

От редакции: Нашу подборку материалов по генералу Мамантову и его казакам завершает небольшой рассказ о том, как сложилась после завершения войны судьба одного из казаков — участников рейда. Собственно говоря, она мало чем отличалась от судеб других казаков, воевавших в рядах Белой армии — разве что ему повезло пережить Сталина...

* * *

Историю эту я узнал в 1973 г., когда был ещё жив отец.

Но время было такое, что сильно много не расскажешь. Прихожу я с работы, а отец мой сидит и душевно гутарит с таким же стариком, как он. Позвал меня и говорит.

— Посиди, послушай дядю Колю. Он двоюродный брат тво-ей матери.

Служил дядя Коля в Донской Армии, как и все наши казаки. Участвовал в рейде корпуса Мамантова. По окончании Гражданской войны начали власти выявлять мамантовцев. Вначале выловили и постреляли офицеров — кто вовремя не скрылся. А к 1928 г. принялись и за рядовых.

Большевики столько писали про золото, будто-бы «награб-ленное» казаками (а, если таковое в действительности и было, то попало в руки белых из захваченных подвалов ВЧК), что в конце-концов начали и сами верить в свою брехню. Вот после Гражданской комиссары и взялись за казаков.

Дядя Коля рассказал, что при советах жил, как на иголках. Когда взялись за мамантовцев, то они со своими семь-ями побросали курени и уехали на необжитые земли в глушь Донской области, в Ремонтненский район. Порыли землянки: Плели

СУДЬБА КАЗАКОВ-МАМАНТОВЦЕВ

Автор: В. Карпов
31.08.2010 14:41 -

плетни из тальника, обмазывали их коро-вьем навозом — это стены и крыша, необмазанные шли как мебель. Обзавелись огородами. Так прожили несколько лет. Но в 1928 г. нашли их и там. Погнали все семьи в тюрьму. Долго допрашивали, интересовались золотишком. Рассказчик-то во время рейда взял на складах какой-то узловой станции лишь три пары простого солдатского белья, кото-рое у него к тому же потом и украли...

После недолгих, но интенсивных допросов с рукоприклад-ством затолкали в вагоны и повезли в Северную Сибирь. По-грузили на баржи. На полпути оставили на берегу жен, детей, а казаков повезли дальше, в самую таежную глушь. Дали пилы и топоры — рубить лес, грузить на баржи и сплавливать вниз по реке. Большевикам нужна была валюта.

Первые года много казаков ушло в мир иной. У кого хоть чуть нутро было слабовато, засыпали на пепле и, если никто не заметил, не разбудил, то всё — замерз человек. Пилили день и ночь, отдыхали на сгоревших ветках, на пепле, рядом всю ночь горели древесные отходы. Жили в земляных бараках-норах. А хоронили как? Вспоминать страшно. Земля промерзла на глу-бину до двух метров. Закидывали трупы ветками, присыпали снегом от зверей, а уж летом останки дохоранивали.

А за сотни вёрст вверх по реке без кормильцев умирали от голода и холода их семьи. Никого почти не осталось. Спаслись лишь немногие бежавшие подростки.

По 30 лет отбывали люди без суда и следствия в лагерях и ссылках! В 1956 г. освобождали политзаключенных. Из всех близких станиц — Каменской, Калитвенской, Белокалитвенской — он один вернулся на родину. Но куда ехать? Родные вымерли в ссылке в первые же годы. Как расстался казак с семьёй в 28-м, так и ни слуха, ни духа. Никакой переписки. Остался по договору ещё на три года. Пусть, думал, всё успокоится. Как бы все уехавшие снова не оказались в тайге. Расщедрились на подъёмные: выплатили лесорубу 3000 рублей.

Жизнь таёжная продолжалась. Как валили лес двуручными пилами, так всё и осталось. Разве что в самые последние годы появились бензопилы. Начала приходить почта, но им ничего не было. Те, что остались в живых, боялись им писать. последнее время давали читать газеты. Стали они и зарабатывать побольше. Раньше все деньги уходили на еду, теперь стал казак копить деньги на дорогу домой.

Прибыл он в родной хутор Липов. От отчего подворья остались одни каменные полуразвалившиеся стены, двор зарос бурьяном. Кое-кто из старожилов еще помнил их семью. рассказали, что младшая сестра живет в хуторе Ясеновском. Там и он обосновался. Нашел общий язык с соседкой — старушкой, та подсказала, что должен быть жив его сын. Когда забирали родителей, ему было три года.

Через два года его спутница жизни умерла. Тяжело было без хозяйки, ни о чём не хотелось думать, лишь мысль разыскать сына не покидала старого казака. Какой он? Что с ним, с его кровинушкой, в чём нуждается?

Добрые люди сказали, что сын его где-то в городе Шахты. Поехал туда, побывал в адресном столе. Дали справку — нет такого. Один пожилой шахтёр сказал, что сын, мол, на шахте в Гукове или Новошахтинске. Пока ноги ходят и самочувствие неплохое, едет отец в Гуково, прямо в комбинат «Гуковуголь».

И тут повезло — женщина из отдела кадров выслушала старого человека, усадила на лавочку:

— Никуда не ходи, сиди тут, а я на всех шахтах наведу справки. Через полчаса выбегает женщина из здания. На глазах слезы радости, в руке бумажечка, где все расписано, как ехать ему, где пересадки, где остановка и адрес сына. Проводила на автобус. Видимо, из наших казачек и сама пережила немало бед... Сын, конечно не узнал отца: маленькой крошкой он лишился его. Но, сказал, что нутром чуял. Погостевал отец у него недели три. Видит, невестка не особенно к нему ласкова. Попросил приготовить стол. Дал денег на это торжество. Пообедали всей семьёй. Сыну сказал:

— Прости, сынок, что не помог тебе ничем и не воспитывал... Дал дядя Коля ему 1500 рублей, чтобы он достроил дом — деньги по тем временам большие. Попрощался и снова в Ясеновский. Спросил я тогда у дяди Коли:

— За что Вас загнали в тайгу?

— Наверное, Бог наказал. Много я людей порубил — про-махиваться нельзя было, тебе голову снесут. Несколько раз ходил в атаку с самим командиром сотни Хопёрским. Тот краснюков, как капусту рубил. Бывало, крикнет мне: «Коля, прикрывай слева!»..

При отступлении в одной из больших кубанских станиц Хопёрский выпроводил всех нас в сторону моря, а сам остал-ся. Тут и красные подоспели. Он с хорунжим Муравлёвым, Царствие Небесное обоим, за церковью притаился. Ждут. Приблизился красный эскадрон. Выскочили казаки из ук-рытия, врезались в их ряды и с десятков солдат порубили, в том числе и ихнего командира. Душу отвели. А сами на своих дончаках догнали нас целые и невредимые...

В Новороссийске сели командиры на речной пароход, его взял на буксир морской корабль. А куда они попали — в Тур-цию или в Крым? Нас же комиссары призвали на польский фронт. Кто хотел увильнуть, ловили и сажали в баржу, кото-рую потом потопили вместе с казаками. Туда попали Влас Гнилорыбов, Меркул Чеботарев и другие...

Вернулись некоторые казаки в хутор. Забирали их пачка-ми. Никто потом и весточки не подал. Беда, жившая в каза-чьих дворах две войны, снова посетила их. Сейчас потомки этих палачей снова у власти, потому-то им и не нравятся такие рассказы.

Не клеется ничего с теперешним возрождением казаче-ства. Настоящих казаков, которые имели свою гордость, са-молюбие, честь и совесть, почти не осталось. Небольшая часть их было сохранилась, но большинство погибло во 2-ю Мировую войну. А сегодняшние малодушные произошли от комбедов. Лезут в казачество случайные люди, которые не имеют никакого отношения к казачеству, и нагло берут в нём власть. Резко обозначилась прослойка прихвостней вла-ствующим «демократов», бывших секретарей райкомов. А в последнее время надумали назвать всех прокоммунистических глав администраций хуторов и станиц атаманами. Какая насмешка! А властвующим нужно снова пройти во власть, уже как в казачью.

Советская власть в лице приезжих развратила и казачьих потомков. Воровство и пьянство катятся по Дону снежным комом. Пришлые кавказские национальности в воровстве превзошли местных, но насчет пьянства они скромны. Во-руют по трезвому. И

СУДЬБА КАЗАКОВ-МАМАНТОВЦЕВ

Автор: В. Карпов
31.08.2010 14:41 -

очень способствуют спаиванию каза-чьих потомков, приучают к наркотикам. И живут на нашей земле среди нас лучше и богаче.

Казачество уничтожено окончательно, а то, что сейчас культивируется в России, создано для внутренних нужд власть имущих и всерьез не может быть использовано на Северном Кавказе, на границе и в армии. Дело сделано...

Рассказ записал и обработал В.Карпов (по материалам газеты Станица □ 1/2001